

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.13
УДК 330.83
ББК65.02(2)53

М.А. РОГАЧЕВСКАЯ

НИКОЛАЙ ХРИСТИАНОВИЧ БУНГЕ О ПРЕОДОЛЕНИИ ИЗОЛЯЦИОНИЗМА СИБИРИ

Рассматривается деятельность председателя Комитета министров Н.Х. Бунге, направленная на обеспечение социально-экономического развития России, в котором важная роль принадлежит Сибири. Особое значение уделяется переселенческому делу и строительству Транссибирской магистрали.

Ключевые слова: завершение Крестьянской реформы, крестьянское землевладение, переселенческое дело, Транссибирская магистраль, Сибирь.

М.А. ROGACHEVSKAYA

NIKOLAY KRISTIANOVICH BUNGE ON OVERCOMING THE ISOLATION OF SIBERIA

The article considers the activity of N. Kh. Bunge as the chairperson of the Committee of Ministers, directed at providing social and economic development of Russia, in which an important role belonged to Siberia. Special significance was attached to resettlement policy and the construction of Trans-Siberian railway.

Keywords: completion of Peasants' reform, peasant land ownership, resettlement policy, Trans-Siberian railway, Siberia.

Вошедшая в XVI веке в состав Российского государства Сибирь, долгое время находилась в состоянии соседства, не будучи участницей

России в ее гражданских и экономических делах. Осваивалась Сибирь стихийно, более чем медленно, по «причине малолюдства», значительной удаленности от центральной России, трудности сообщения. Она ожидала устройства, но даже в XIX в. не была устроена. В основном, Сибирь служила источником мягкого богатства, поставщиком пушнины, используемой в качестве важнейшего товара для внешней торговли, а также для даров иностранным властителям. Правительство смотрело на Сибирь как на кладовую, из которой можно было брать столько, сколько требуется, не оказывая ей надлежащего внимания и не развивая ее. На многие тысячи верст с XVII в. протянулся Московский тракт, надежно соединивший европейскую часть страны с Сибирью. По нему из Сибири вывозились ценные меха, позже к этим традиционным сибирским товарам добавились драгоценные камни, золото, серебро, медь. В конце XIX в. стали вывозить производимые сибирскими крестьянами пшеницу, сливочное масло. В Сибирь везли необходимые сибирякам товары. В Сибирь посылались воинские команды, вслед за ними направлялись чиновники, «ставившие» города и остроги, а также «таможни» для сбора ясака и скупки у местного населения пушнины для пополнения царской казны. Тракт служил дорогой для добровольных и вынужденных переселенцев [5, стб. 565–566]. Постепенно создавалась и развивалась притрактовая инфраструктура: почтовые станции, постоянные дворы для ямщиков и лошадей, этапные помещения, в которых отдыхали ссыльные. Вблизи станций селились крестьяне, в той или иной степени, обслуживавшая проезжавших.

В центральной России постепенно стал распространяться слух о богатых, не мерянных землях в Сибири, и после отмены крепостного права предприимчивые люди потянулись за Урал. Появление сведений о рудных богатствах Сибири привлекли к себе внимание и промышленников.

Сибирь переставала быть *terra incognita*. Становилось очевидным, что она имеет большое экономическое и политическое значение. Заслуга в изменении статуса Сибири и ее роли в укреплении российского государства принадлежала Николаю Христиановичу Бунге.

Своей деятельностью на посту министра финансов и председателя Кабинета министров (1881–1895) Н.Х. Бунге заложил основы преобразований Сибири, которые будут осуществлены его преемниками и единомышленниками — С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным.

Формировался новый регион России, не окраина, не колония, а неотъемлемая ее часть — **СИБИРЬ**. Находясь еще в начале пути к обретению рыночной и индустриальной экономики, она сама оказалась способной придать ускорение экономическому, политическому и куль-

турному возвышению России. Смелое предсказание М.В. Ломоносова, что «могущество Российское будет прирастать Сибирью» становилось реальностью.

До привлечения к государственной деятельности, Н.Х. Бунге, будучи разносторонним экономистом-теоретиком, профессором, ректором Киевского университета, неоднократно обращался к рассмотрению проблем народного хозяйства России. Он доказывал на страницах своих научных и публицистических работ, что Россия обладает потенциальными ресурсами, необходимыми для развития тяжелой промышленности, надеясь привлечь к этому выводу внимание прогрессивно настроенной части общества. Сопоставив экономическое состояние России с наиболее развитыми государствами, он получил поразивший его результат: Россия неотвратимо утрачивала экономический авторитет. Если в начале XIX в. по объему промышленного производства она находилась на 3-м месте в Европе и в мире после Великобритании и Франции, то к концу XIX в. картина изменилась: Германия оттеснила ее на 4-е место в Европе, а Северо-Американские Соединенные Штаты отодвинули Россию на 5-е место в мире [3, с. 112].

Вводя в 1880 г. профессора Бунге в правительство, император Александр II дал ему поручение составить программную записку о задачах экономической политики России. Выполняя его, Бунге разработал программу, нацеленную на достижение Россией более высоких темпов экономического роста. Для этого следовало создать независимую от иностранного влияния прочную национальную систему народного хозяйства, обеспечить развитие промышленности путем целесообразно построенного покровительства, совершенствования кредита, укрепления денежной системы, переведа ее на основу золотого монометаллизма.

Став императором, Александр III в мае 1881 г. назначил Н.Х. Бунге министром финансов. В течение шести лет пребывания на посту министра финансов, Бунге осуществит ряд важнейших мероприятий, имеющих государственное значение, завершая Великие реформы. Важно было довести до конца положения Крестьянской реформы, дать возможность крестьянам самим решать свою судьбу, выбирать место жительства и характер работы. Будучи наставником цесаревича (1886–1889), Бунге старался привить наследнику либеральные идеалы, и разъяснить «благодетельное» значение для России реформ 1860-х гг. Этим он заслужил симпатию и уважение своего ученика. На занятиях с цесаревичем он говорил, что решающее значение в подъеме сельского хозяйства принадлежит крестьянскому землевладению. Бунге был уверен, что наследственное владение землей, под охраной общих и обязательных для

всего населения гражданских законов, будет способствовать интенсификации земледелия, тогда как зависимость крестьян от сельской общины при постоянных переделах земли, неминуемо приводит к упадку многих крестьянских хозяйств. Будучи противником общины, Бунге очень осторожно подходил к практическому решению вопроса о дальнейшем ее существовании.

Александр III доверял мнению Бунге, ратовавшему за частное крестьянское землепользование. Это означало, что Особое совещание министров, проводившееся под председательством императора, выскажется за расширение помощи крестьянам со стороны Крестьянского банка в покупке ими земли в малонаселенных территориях Европейской России. За период 1883–1885 гг. 18 тыс. крестьян-переселенцев приобрели землю через Банк [6, с. 258].

Бунге был противником набравшего силу стихийного переселения, считая его неэффективным. Не имеющие ни поддержки, ни защиты со стороны государства такие переселенцы часто терпели крах. Необходимо было, не откладывая, приступить к выработке общегосударственного законодательства, регулирующего перемещение крестьян из одних губерний в другие. Бунге полагал, что начинать следует с отвода наиболее благоприятных мест для устройства на них поселений, предоставляя переселенцам льготы и пособия от казны. Одновременно, он предостерегал и от излишней торопливости, понимая, что передвижение массы малообеспеченных людей и поселение их в новых необжитых местах, сопряжено с большими трудностями. Особенно это относилось к Сибири.

Николай Христианович обращает внимание императора и ответственности на необжитый огромный регион, лежащий к востоку от Урала, составлявший почти две трети территории государства. Освоение Сибири, продолжавшееся уже более трехсот лет, к концу XIX в. достигло весьма незначительных результатов по сравнению с ее возможностями. Надежда правительства на заселение Сибири при помощи ссыльнопоселенцев оказалась преувеличенной. Кабинетские* земли Алтайского горного округа, ранее принадлежавшие царской семье и предназначенные для обеспечения рудников рабочей силой, а также для производства сельскохозяйственных продуктов, в которых нуждалось промышленное население, теперь обращались для устройства переселенцев, едущих в Сибирь. Создавались реальные условия, способствовавшие экономическому и культурному преобразованию этого региона.

* Земли (около 67,8 млн га), принадлежавшие на правах частной собственности членам царской фамилии и управлявшиеся Кабинетом его величества.

Сибирские земельные отношения отличались от тех, что были характерны для европейской части России. В Сибири отсутствовало помещичье землевладение и крепостное право; существовало «кабинетское» землевладение; господствовало общинное землепользование освоенных старожилами земель; сохранялась обширная зона земель, пригодных для переселения. Земли традиционного проживания сибирских народов, потесненных переселенцами, соседствовали с землями освоенными выходцами из России [4, стб. 107–108].

Политика землепользования, проводившаяся в XIX в. в Сибири, характеризовалась отсутствием твердой и постоянной земельной нормы, а также поддержанием общинного землепользования без «утеснения заимочной»^{*} предприимчивости крепких хозяев. Вместе с тем, заимки раздражали власти как своим многоземельем, так и тем, что были основаны на единоличной форме землевладения, несмотря на то, что экономический и социальный эффект от их хозяйствования был выше, чем достигавшийся основной массой крестьянских дворов.

Огромные и разнообразные природные богатства этого региона почти не были вовлечены в экономический оборот страны. Внимание казны и промышленников в XVIII в. привлекала лишь находка месторождений золота и серебра. Некоторое оживление в Сибири наступило в середине XIX в. после открытия достаточно богатых месторождений благородных металлов, привлечших к себе внимание не только промышленников, но и искателей быстрого обогащения. Несмотря на трудности и опасности пути энергичные люди отправлялись в Сибирь.

Поэтому рассмотрение промышленного развития Сибири и приходится начинать с золотодобывающей промышленности.

Сибирское золото впервые получили на Колывано-Воскресенском заводе А. Демидова в 1745 г. при плавке серебряноцинковых руд Змеиногорского месторождения на Алтае. В 30-е годы XIX в. золото стали добывать в Томском, Нерчинском, Ачинском, Енисейском округах, а в конце века — в Бодайбинском, Ленском и др. [4, стб. 170–171].

Добычей золота, наряду с промышленниками, занимались старатели на свой страх и риск, имевшие примитивное снаряжение и надеявшиеся на слепую удачу — «фарт». Сами того не ведая, они играли очень важную для золотопромышленников роль разведчиков-первопроходцев, экономия компаниям затраты на проведение поисковых работ. Старательский фарт привлекал к себе множество готовых рисковать людей. Многие переселенцы, особенно молодые и одинокие, не доезжая до места своего водворения, сразу направлялись на поиски золота в тайгу.

^{*} Заимкой назывался дополнительный промысловый или охотничий участок богатого крестьянина.

Даже на крупных приисках условия труда и быта рабочих были очень тяжелыми. Это беспокоило Бунге, стремившегося к созданию в России цивилизованного капитализма.

Став министром финансов, он заинтересовался положением фабричных рабочих, пришедших в города из бывших крестьян. С этой целью им была организована фабричная инспекция, к работе в которой он привлек и профессора Московского университета И.И. Янжула. Получив от него и других инспекторов сообщение о тяжелых условиях труда и отсутствии нормальных бытовых условий промышленных тружеников, Бунге способствовал принятию фабричных законов, которыми ограничивалась эксплуатация рабочих, и предусматривалось создание для них нормальных жилищных условий.

В «Загробных заметках» (своего рода завещании, предназначенном для императора) он напишет, что плохие условия труда и быта на некоторых фабриках или заводах вынуждают рабочих в поиске лучших, переходить с одних предприятий на другие. «Образование оседлого фабричного населения невозможно без постройки домов для семейных рабочих, желающих приобретать их в собственность или в постоянное пользование. Необходимо водворение семейного быта между рабочими и обеспечение им жилища, примененного к истинному человеческому существованию. <...> обеспечению домашнего комфорта, удовлетворяющего реальные потребности рабочего класса. Необходимо предусмотреть общественные учреждения для рабочих, улучшающих их материальный быт (прачечные, бани, столовые для холостых, читальни и пр.), а затем подумать об установлении более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов» [1, с. 237]

Бунге думал не только о развитии промышленности в европейских губерниях России, но еще в большей степени о неосвоенных территориях Сибири. Он отмечал: нужды народные здесь так разнообразны, что нельзя познать их, совершенно не разобравшись по существу. Промышленники же стремились к получению возможно большей прибыли, экономя на создании приемлемых условий для работы на предприятиях, и тем более на строительстве рабочих поселков.

В конце XIX в. усилилось движение по Московскому или Сибирскому тракту. Его состояние уже не удовлетворяло требованиям ни путешественников, направлявшихся в Сибирь, ни едущих из Сибири: долго, сложно и дорого. Мысль о соединении Европейской России и Сибири удобным транспортным путем высказывалась еще в середине XIX в. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским, представителями промышленных и торговых кругов. Не последнее слово принадлежало и военным, которые исходили из стратегических со-

ображений, что дорога необходима для защиты русских владений на Дальнем Востоке.

В 1887 г. начались изыскательские работы по трассе будущей дороги, которые велись с большими, подчас неоправданными трудностями, но к 1892 г. значительная часть подготовительной работы была закончена. Став министром транспорта, С.Ю. Витте, прежде всего, разработал идейное обоснование Сибирского проекта. По его предложению император Александр III учредил Комитет Сибирской железной дороги, которому вменялось в обязанность обеспечение координации деятельности многих ведомств. Председателем Комитета он назначил цесаревича Николая, а вице-председателем — Н.Х. Бунге, сосредоточившего в своих руках руководство Комитетом и строительством магистрали, положившей начало подлинного освоения Сибири [2, с. 295].

Н.Х. Бунге подчеркнул также актуальность заселения неосвоенных окраин империи с точки зрения их колонизации, поскольку это «в особенности бывает необходимо по политическим соображениям на границах отдаленных территорий для противодействия наплыву иностранцев». Следовательно, казна должна была оказать переселенцам помощь, необходимую для их закрепления на новом месте. Его идеи легли в основание всей деятельности Комитета.

В 1889 г. был принят Переселенческий закон, утвердивший и облегчивший возможность переселения крестьян в Сибирь.

Кардинальное изменение в переселенческом деле произошло с началом строительства Сибирской железной дороги. Чтобы успешно организовать переселение людей, необходимо было прежде построить дорогу. Поскольку рабочих рук в Сибири для ее строительства не было, то переселение приняло широкий прогрессивный целенаправленный характер. Оно стало возможным и успешным благодаря решительной деятельности Н.Х. Бунге*. С декабря 1892 г. Бунге оказывал непосредственное влияние на переселенческую политику, как вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги, поддерживаемую цесаревичем Николаем Александровичем, разделявшим взгляды своего наставника на переселенческое дело. «Вопрос о переселении, — говорил ему Бунге на занятиях, — был поднят еще в 1881 г., но с тех пор он мало подвинулся. Земли, предназначаемые для переселения, не приведены в достаточную известность, а для приобретения их нет установленных правил» [6, с. 259]. Управляющий делами Комитета А.Н. Куломзин поз-

* В правительственных документах отмечалось, что дорога экономически могла оправдать себя, только при условии достаточного заселения и развития прилегающих к ней районов.

же заметил, что в лице Бунге переселенческое дело нашло «наиболее энергического защитника».=

Переселенцы направлялись из трудоизбыточных черноземных губерний России и Украины, Поволжья, Белоруссии и Балтийского края, способствуя хозяйственному освоению новых территорий, развитию их производительных сил, решению ряда социальных и культурных проблем.

В то же время железная дорога и переселенчество послужили катализатором для развития рыночных отношений в Сибири. Рынок труда возрастал по мере повышения темпов переселения, приводя к росту спроса на потребительские товары. Среди пришлого населения, многие, не сумев приспособиться к сибирским условиям, становились источником наемного труда для сельского хозяйства, развивающейся промышленности, ремесла, торговли, транспорта, строительства.

Промышленники центральной России постепенно изменяли точку зрения на экономическое значение Сибири. Они стали понимать, что индустриализация России объективно испытывает потребность в экономическом взаимодействии обеих частей страны. Ввоз сибирского хлеба и других продовольственных товаров удешевлял рабочие руки в европейских губерниях России; развитие сельского хозяйства в Сибири открыло огромный рынок для сельскохозяйственного машиностроения и разного рода промышленных товаров. Сибирь вовлекалась в общероссийский поток капиталистического развития, становясь обширным полем приложения капитала.

Однако, традиционно правительство продолжало проводить в отношении Сибири колониальную политику, рассматривая ее как сырьевой придаток промышленности европейской части России и рынок сбыта своих товаров.

Сибирь манила крестьян слухами о богатых землях, вызывая усиленное переселение. Бунге, сторонник частного крестьянского землевладения, рекомендовал предоставить переселенцам твердую гарантию в возможности приобретения наделов за определенную плату в рассрочку, выдавая им документы на владение землей. Он подчеркивал, что без издания соответствующих законов задача освоения окраин империи остается невыполнимой. «Мы не допускаем распространения частной земельной собственности в Сибири (там ее вовсе нет) и удивляемся, что Сибирь медленно заселяется, что Соединенные Штаты Северной Америки и Канада в течение одного столетия довели колонизацию и железные дороги до Тихого океана, тогда как у нас, несмотря на отправленные массы лиц на поселение в Сибирь в течение 2-х столетий, Сибирь

остается Сибирью, страной дикой и недоступной, куда поселенцы идут и откуда возвращаются, потому что нет твердого порядка и правил относительно приобретения земель» [1, с. 232].

«В странах, обладающих громадным пространством земли, где применяется трехпольная система земледелия даже при ничтожном удобрении, хозяйствование приводит к хорошим результатам», — пытался доказать он [Там же].

Сибирское зерновое поле не только обеспечивало сибиряков, строителей Транссибирской магистрали, но и позволило экспортировать зерно в достаточно большом объеме. Сибирский хлеб был высокого качества и дешевле, чем производившийся в европейской части России.

Сибирское пастбище позволило развить многоотраслевое скотоводство молочного, мясного, шерстяного, овчинно-шубного направления, ставшего основой для развития соответствующего перерабатывающего производства.

Особое место принадлежало сибирскому маслоделию. Земельные просторы, хорошие естественные кормовые угодья и наличие водопоев оказались весьма благоприятными для развития в Сибири молочного скотоводства. По Московскому тракту ежегодно вывозилось до 5–6 тыс. тонн топленого масла. Масло изготавливалось ручным, весьма трудоемким способом. Количества его было явно недостаточно для завоевания рынка, да и отдаленные рынки для маслоторговцев, использовавших гужевой транспорт, были недоступны. За полстолетия вывоз масла возрос, но достиг к 1894 г. только 8 тыс. тонн. Сибирское масло подавалось к императорскому столу. Чтобы ускорить доставку масла к европейским и иностранным потребителям, маслоделам тоже была нужна железная дорога. После завершения ее строительства масло будет широко поставляться в губернские города центральной России. Сибирское масло, как самое сухое, займет к 1910 г. первые позиции в международной торговле.

Бунге обращает внимание на взаимопонимание «ведущей нации, осваивающей окраину с населением окраины», необходимости овладения коренным русским населением языком и обычаями окраин, а не насаждения там своих, чтобы исключить препятствия к слиянию народностей.

Для объединения коренной России с ее окраинами в области гражданских отношений, следует, прежде всего, «изучить народный быт и обычаи страны. Даже самые лучшие исследования отстают от реальной жизни» [1, с. 211]. Это было важно потому, что в Сибири живет много племен, с которыми необходимо жить в уважении и дружбе.

Можно согласиться с выводом, сделанным французским экономическим обозревателем Эдмоном Тэри: «...Сибирь, добрая половина которой, не говоря о минеральных богатствах, представляет первоклассные сельскохозяйственные угодья, которые, чтобы сделаться центрами крупного производства, ожидают лишь путей сообщения... и обитателей!» [7, с. 5]. Он многого не знал, но с позиции своего времени оценил ситуацию справедливо.

В Сибирь, пришли и приехали люди разных национальностей, говорящие на разных языках. Здесь, вместе с сибирскими народами, они образовали новую общность, став сибиряками, крепкими, мужественными, стойкими, способными выдержать любые трудности во имя России.

Список использованной литературы и источников

1. Бунге Н. Х. Загробные заметки / Н. Х. Бунге // Река времен : книга истории и культуры. — Кн. 1. — Москва : Эллис Лак : Река Времен, 1995. — С. 198-254.
2. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. : в 2 т. / С. Ю. Витте. — Т. 1. — Москва : ТЕРРА, 1997. — 352 с.
3. Рогачевская М. А. Вклад Николая Христиановича Бунге в социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. / М. А. Рогачевская // Сибирская Финансовая школа. — 2019. — № 3. — С. 108–118.
4. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. — Т. 2. — Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. — 1152 стб. — 582 с.
5. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. — Т. 3. — Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. — 804 стб. — 443 с.
6. Степанов В. Л. Н.Х. Бунге: Судьба реформатора / В. Л. Степанов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 398 с.
7. Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор / Перевод Н. Круглого / Э. Тэри. — Paris, 1914. — Репринт. — Париж : УМСА-press, 1986. — 158 с.

Информация об авторе

Рогачевская Майя Антоновна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Сибирский институт управления, филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, e-mail: mrogachevskaya@mail.ru.

Author

Maya A. Rogachevskaya — Candidate of economic sciences, Associate Professor, Senior lecturer of the Department of finances and credit, Siberian institute of management — Branch of RANEPa, 630102, Novosibirsk, Nizhegorodskaya Str., 6, e-mail: mrogachevskaya@mail.ru.